

ОТРИЦАНИЕ И ЕГО ФУНКЦИИ В МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДА

Общеизвестно, какое большое значение придается отрицанию (например, понятию «снятие», закону отрицания отрицания) в диалектической логике. Появление в последние годы таких монографий, как «Отрицательные высказывания» И. Н. Бродского¹ и «Отрицание в системах формальной логики» А. Д. Гетмановой², убеждает в важности проблемы отрицания для формальной логики. Ни одна функционально полная система формальной логики невозможна без отрицания как полноправной операции. Если вспомнить, что логику часто определяют как науку о наиболее общих законах и формах мышления, то отсутствие сколько-нибудь значительного интереса к отрицанию в психологии мышления выглядит несколько парадоксальным. Объяснение подобного положения проблемы отрицания в психологии мышления можно найти, на наш взгляд, только путем анализа мышления как особой познавательной деятельности человека.

Наиболее часто мышление определяют как высшую ступень познавательной деятельности, продуктами которой являются объективно или, по крайней мере, субъективно новые знания. В то же время продуктивная сторона мышления неотделима от другой его стороны, связанной с тем, что окончательным продуктом мышления может считаться лишь достоверное, доказанное знание. Мышление как деятельность есть сплав субъективного и объективного. Но поскольку развитое мышление представляет собой прежде всего идеальную деятельность с идеальными объектами, постольку объективность этой деятельности не может быть обеспечена контролем со стороны объекта, как это имеет место во внешней предметной деятельности человека. Необходимы принципиально иные критерии объективности. В качестве таковых в мыслительной деятельности выступают исторически сложившиеся социальные нормы деятельности, обобщенное человеческое знание — все то, что индивид усваивает в процессе социализации³.

В соответствии с различными критериями объективности и осуществляется субъектом мыслительной деятельности постоянная работа по объективизации собственного мышления. Какое же конкретное содержание имеет эта вторая сторона мыслительной деятельности? Как правило, она описывается в терминах «контроль» (точнее, «самоконтроль»), «проверка» и «оценка». Так как в подавляющем большинстве соответствующей психологической литературы эти термины четко не разграничиваются, а иногда и отождествляются, есть смысл попытаться дать им более строгие определения. Поскольку понятие «истинности» относится лишь к знаниям, а правильность еще и к действиям, с помощью которых эти знания получают, то под контролем можно понимать объективизацию как определение субъектом правильности выполняемых им познавательных действий, соответствие их какому-то общественно выработанному эталону (например, логическим правилам). В ходе действий контроль за их правильностью все более свертывается, автоматизируется, становясь в результате неосознаваемым. Проверка есть объективизация, заключающаяся в определении истинности получаемого знания. Это, как правило, самостоятельная мыслительная деятельность, со своей целью и своими средствами ее достижения. Она, в отличие от контроля, неотступно сопровождающего весь процесс деятельности, периодична и начинается лишь после получения результата, продукта деятельности. Субъект как бы оглядывается, проверяя не каждый свой шаг (контроль), а конечный результат движения. И, наконец, оценка — это объективизация деятельности путем определения ценности получаемых продуктов с точки зрения целей деятельности. В деятельности человека по объективизации своего мышления примечателен тот факт, что все три описанных ее вида дают продукты (если так допустимо называть результаты объективизации), которые можно разделить на две группы: положительные и отрицательные. Действительно, объективизация, как попытка придания продуктивной деятельности объективности, позволяет субъекту в общем заключить: правильна или нет, ценна или нет, истинна или нет реализованная им деятельность (разумеется, до степени точности, принципиально допустимой без проверки практикой).

Таким образом, несложный анализ позволяет выделить две стороны мыслительной деятельности: собственно продуктивную и связанную с ее объективизацией. При этом выясняется, что феномены отрицания наиболее тесно связаны именно с процессами контроля, проверки и оценки хода мыслительной деятельности и ее результатов. А так как в психологии мышления в первую очередь разрабатываются вопросы, непосредственно касающиеся именно продуктивного аспекта мышления, то становится понятным, почему проблема отрицания не привлекает внимания психологов. Иными словами, чтобы увидеть проблему отрицания, необходимо не только выделить верификационно-оценочную сторону мыслительного процесса, но и сделать ее объектом нового, более глубокого анализа. Однако если продолжить анализ мыслительной деятельности, то довольно быстро можно обнаружить, что две выделенные стороны мышления теснейшим образом взаимосвязаны, и, следовательно, проблема отрицания имеет непосредственное отношение и к продуктивности мышления. Прекрасный материал, подтверждающий подобное утверждение, содержится в работе И. Лакатоса «Доказательства и опровержения»⁴. Конечно, исследование И. Лакатоса прежде всего относится к логике и методологии научного творчества, но поскольку в его основу положена конкретная история многолетних попыток различных математиков доказать теорему Эйлера о соотношении вершин, ребер и граней многогранника (дискуссия, ее результаты и т. д.), постольку эти материалы представляют несомненный интерес и для психологии мышления. Разумеется, деятельностью, результатом которой является доказательство теоремы (или гипотезы), как и всякая иная мыслительная деятельность, нуждается в объективизации. В качестве таковой у И. Лакатоса выступает сложный процесс отыскания и противопоставления контрпримеров, приводящих к опровержению теоремы («наивной догадки») или доказательства (глобальные и локальные контрпримеры соответственно). Но что такое контрпример? Это предмет, все признаки которого подходят под определение понятия, используемого в доказательстве теоремы, но доказательство или догадка (теорема) по отношению к нему оказываются несостоятельными. Иными словами, контрпример противоречит доказательству или догадке. В результате обнаружения противоречия путем выдвижения контрпримера происходит опровержение доказательства или догадки. Но опровержение есть отрицание. Таким образом, противоречие в процессе доказательства приводит к отрицанию. Отрицание выступает как результат обнаружения противоречия. Необходимо, однако, отметить, что мы не склонны сводить отрицание лишь к речевой, логической форме отрицательного, «опровергающего» суждения. Отрицательное суждение — только конечная форма отрицания как процесса.

Основной в работе И. Лакатоса является мысль о неразрывности доказательства и опровержения. «Мы не можем поместить доказательства и опровержения на отдельные полочки. Вот почему я предлагаю наш метод включения лемм перекрестить в «метод доказательств и опровержений»⁵. Так контрпример детерминирует тип опровержения, который в свою очередь определенным образом задает характер реагирования на отрицание. Иными словами, специфика противоречия задает подход к его снятию. Например, обнаружение глобального, но не локального контрпримера приводит, как правило, к опровержению догадки, что допускает дальнейшую деятельность по ее усовершенствованию. Обнаружение же локального, но не глобального контрпримера предусматривает три обобщенных пути разрешения противоречия: метод включения в доказательство тех лемм, которые опровергались известным контрпримером; расширение дефиниции понятия, используемого в доказательстве (что приводит к сужению объема понятия, уводящего в дурную бесконечность); или же кардинальное эвристическое преобразование гипотезы с целью предупреждения появления новых контрпримеров.

Изложение этих соображений, кроме отмеченной выше, преследует и другую, вполне определенную цель. Они привлечены в качестве первой группы фактов, демонстрирующих важность отрицания как элемента мыслительной деятельности. Их анализ прежде всего выявляет внутреннюю связь отрицания и противоречия. Становится очевидным, что существеннейшие моменты развития собственно продуктивного аспекта мыслительной деятельности, т. е. тех ее компонентов, которые непосредственно приводят к возникновению у субъекта новых знаний, теснейшим образом связаны с противоречиями, возникающими в ходе мыслительного процесса

и отрицанием как механизмом их становления и преодоления. В данном случае выявляется прежде всего структурирующая функция отрицаний в мышлении, заключающаяся в регуляции хода мыслительной деятельности. Выбираемые субъектом способы преодоления противоречия детерминируют развитие дальнейшего хода его мыслительного процесса. Переходы от старых программ деятельности к новым, от одних попыток реализации этих программ к другим, ограничение области поиска неизвестного в ходе мыслительной деятельности — все это предполагает отрицание неверных программ, неудачных проб, ошибочных результатов познавательной деятельности. Если, скажем, решаемая субъектом мыслительная задача является для него действительно новой, если исходная неопределенность, возникающая у субъекта после принятия задачи, в начале познавательной деятельности действительно высока, то отрицания программ, проб, результатов и т. д. в мыслительном процессе будут иметь место обязательно, а характер их осуществления будет существенно влиять на дальнейшее протекание мыслительной деятельности субъекта. В этом в определенной степени можно убедиться, даже не прибегая к собственным экспериментальным исследованиям, а знакомясь с протоколами решения испытуемыми мыслительных задач в публикациях по психологии мышления, которые прямо-таки пестрят отрицаниями.

Следующая группа факторов, касающихся отрицания, относится к продуктивности отрицаний. Общепринято мнение, что верификационно-оценочная деятельность непродуктивна. Соответственно и отрицания, являясь всего лишь элементом этой деятельности, так же непродуктивны, нового знания оно не производит. Это верно, однако, лишь при «позитивном» толковании знания. Ведь мышление как процесс достижения знаний есть процесс движения от неопределенности к определенности, которая представляет собой решение задачи, достижение знания. Но в психологии под определенностью обычно понимают урезанную, одностороннюю, «положительную» определенность, приводящую к формальной, неполной истинности (Гегель). Для полноты отражения исследуемой ситуации необходимо достижение и «отрицательной» определенности, или иначе, ответ на вопрос: «Что это есть такое?» дополняется и ответом на вопрос: «Что это не есть такое?» Таким образом, получается, что отрицания все-таки имеют — пусть не совсем в традиционном смысле — продуктивное значение в мыслительной деятельности, ибо «отрицательное» знание есть необходимая часть общего знания.

Более того, в процессе решения достаточно сложных мыслительных задач испытуемые зачастую в начале решения, проанализировав задачу под углом заданных в ней требований, приходят именно к отрицательной определенности типа: так делать нельзя; нет, так не получится; непонятно, как это может быть и т. д. Интересно также, что существует целый класс логических задач, в которых решение достигается прежде всего через накопление отрицательной неопределенности: этот вариант отпадает, так как... и этот тоже не может иметь место, так как... и т. д. Таким образом, в ходе мыслительной деятельности нет жесткой сопряженности в появлении положительной и отрицательной определенности, т. е. в отдельные моменты решения мыслительной задачи испытуемый может достигать только положительной или только отрицательной определенности, не совершая переходов от одной к другой, не осуществляя их синтеза. Подобные соображения, на наш взгляд, дают достаточно оснований отличать отрицательную определенность от положительной, а следовательно, и выделять информационную функцию отрицания в мышлении, которая сводится к созданию в ходе мыслительной деятельности именно отрицательной определенности.

И, наконец, последняя группа фактов, относящихся к феноменам, широко используемым в психологии мышления и описываемым такими понятиями, как «критичность», «внушаемость», «импульсивность» и «инертность» и т. д.⁶ Эти понятия описывают уже личностные характеристики мыслящего субъекта, обобщенно определяющие стратегию его поведения в проблемной ситуации. Эти и подобные им пары личностных параметров в общем-то могут описывать мыслительный процесс в различных направлениях. Например, критичность многими авторами трактуется как строго контролируемое отношение к поступающей информации. Внушаемость же противопоставляется ей как доверительное, бесконтрольное принятие информации, причем независимо от того, поступает ли она извне, или продуцируется самим субъектом. «Импульсивность» и «инерт-

ность» описывают мышление уже с точки зрения быстроты и легкости принятия решений. Можно найти другие пары реципрокных характеристик, описывающие новые направления личностного аспекта мышления, например, оригинальность и косность и т. д. Но все эти направления пересекаются в одной центральной точке отношения к отрицанию и противоречию и представляют «многомерную шкалу» отношений к этим феноменам. Все эти характеристики сводятся к характеристике оценочно-верификационного аппарата, его развитости и распространенности.

Личностные характеристики, описываемые этой многомерной шкалой, имеют чрезвычайное значение в плане раскрытия творческих способностей субъекта. Порой чрезмерная боязнь ошибиться, жесткий контроль за мыслью тормозит творческий процесс, ограничивает гибкость, оригинальность, подвижность мышления. Но, с другой стороны, чрезмерное пренебрежение отрицательными компонентами приводит к отклонению от поставленной цели, к росту энтропии в мышлении. Кроме того, отрицательные компоненты мыслительной деятельности играют решающую роль в процессе обнаружения и постановки проблемы. А ведь чувствительность к проблемам — далеко не последняя по значению творческая способность. Таким образом, появляется возможность выделить еще одну функцию отрицания в мышлении. Это — личностная, мотивационная функция, отвечающая за формирование стратегического подхода к решению мыслительных задач.

Конечно, выделенные функции отрицания тесно связаны друг с другом. Так, например, структурирование мыслительного процесса, отказ от тех или иных направлений решения, переход к новым — все это осуществляется на базе отрицательной определенности и свидетельствует о связи структурирующей и информационной функции. С другой стороны, личностный, мотивационный аспект мышления ярко раскрывается в отношении к противоречию и характеру отрицания как способу преодоления этого противоречия. На наш взгляд, три выделенные выше функции отрицания в мыслительном процессе свидетельствуют об исключительно важной роли отрицания в мышлении. Их исследование позволит раскрыть новые грани мыслительной деятельности, сделает исследование этого психического процесса еще более успешным.

¹ См.: Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. — Л., 1973.

² См.: Гетманова А. Д. Отрицание в системах формальной логики. — М., 1972.

³ См.: Кучинский Г. М. О понятии совместной мыслительной деятельности индивидов. — Вестн. Беларускага ун-та. Сер. IV, 1977, № 3.

⁴ См.: Лакатос И. Доказательства и опровержения. — М., 1967.

⁵ Там же, с. 71.

⁶ См.: Кулюткин Ю. Н. Эвристические методы в структуре решений. — М., 1970.

Н. М. ДЖАГАРОВА

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ИДЕИНО-ПРАВСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Художественная литература, будучи сложным социальным явлением, выступает как важнейшее средство художественно-образного отражения действительности. Именно поэтому она выступает как фактор идеологического и нравственного воздействия на людей. Классики марксизма-ленинизма выявили органическую зависимость художественного творчества от социально-экономической жизни общества, указывали на способность литературы выступать одним из действенных средств изменения общества, формирования его идейных и нравственных идеалов. Для передовых зарубежных писателей XIX—XX веков, в частности, характерна ненависть к буржуазии, сострадание к судьбе угнетенных, обращение к актуальным проблемам современности. Высоко оценивая творчество таких писателей, как Ш. Бронте, В. Теккерея, Ч. Диккенс, Е. Гаскелл, Карл Маркс утверждал, что их «наглядные и красноречивые описания разоблачили миру больше политических и социаль-